

А.В. Федоров

ВВЕДЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ – ПРОГНОЗНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с введением в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц. В частности, обосновывается объективная обусловленность введения такой ответственности ввиду изменения экономических отношений, отхода роли отдельного человека в качестве преступника на второй план, и роста числа преступлений, совершаемых от имени юридических лиц. В рамках описываемой широко распространенной зарубежной практики уголовной ответственности юридических лиц раскрывается проблематика выполнения соответствующих взятых Российской Федерацией международных обязательств. Приводятся доводы, указывающие на недостаточную эффективность существующего института административной ответственности юридических лиц, а также обращается внимание на возможность его использования в качестве теоретической основы для соответствующих законодательных решений в области уголовного права. В заключении статьи констатируется недостаток исследований процессуальных аспектов уголовной ответственности юридических лиц. Постановка вопросов, касающихся введения уголовной ответственности юридических лиц актуализирована характером современной международной политики, нацеленной на ужесточение ответственности юридических лиц и унификацию национальных законодательств в этой области, а также национальной политики Российской Федерации, о чем свидетельствует утвержденный Президентом Российской Федерации Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы.

Ключевые слова: уголовная и административная ответственность юридических лиц, политика, международные обязательства, Конвенции ОЭСР, Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, ФАТФ.

Рассматривая современные стандарты и технологии противодействия коррупции, следует обратить особое внимание на вопрос, касающийся возможности и целесообразности установления уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения.

Этот вопрос является одним из наиболее дискуссионных в российском праве. Он, обычно, рассматривается сугубо прагматично – с позиции действующего уголовного законодательства, и, в большинстве случаев, заканчивается выводом о невозможности признания юридических лиц субъектом преступления.

Безусловно, если исходить из сложившихся классических подходов к пониманию преступления как виновного общественно опасного деяния, совершенного физическим лицом, уголовная ответственность юридических лиц воспринимается как нечто абсолютно неприемлемое.

Но если отказаться от сложившихся стереотипов восприятия уголовного права, акцентировать внимание на политико-правовом характере вопроса о введении уголовной ответственности юридических лиц, рассматривать уголовное право в динамике, в развитии,

отражающем происходящие в обществе изменения, то введение уголовной ответственности юридических лиц представляется не только возможным, но и с большой вероятностью прогнозируемым в перспективе.

Но это уже вопрос политический. Право и политика как явления человеческой цивилизации имеют множество взаимосвязей, часть из которых в своей совокупности дает основания констатировать, что политика формирует право и, соответственно, законодательно закрепленные нормы права производны от политики, выражает политику и служат средством её реализации.

Развитие экономических отношений обусловило в XX веке – начале XXI века введение уголовной ответственности юридических лиц во многих странах мира, подтверждая верность широко известного в прошлом и подтвержденного историей развития человечества тезиса о том, что политика есть концентрированное выражение экономики.

Сейчас такая ответственность установлена в законодательстве уже более 50 стран: Австралии, Австрии, Азербайджана, Албании, Алжира, Афганистана, Бельгии, Вануату, Великобритании, Венгрии, Грузии, Дании, Израиля, Индии, Ирака, Ирландии, Исландии, Испа-

В основе статьи – доклад автора на Третьем Евразийском антикоррупционном форуме «Современные стандарты и технологии противодействия коррупции» (Москва, 24–25 апреля 2014 года).

нии, Италии, Канады, Кении, Китая, Кореи, Кот д'Ивуара, Кубы, Латвии, Литвы, Люксембурга, Марокко, Мексики, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, Пакистана, Польши, Португалии, Румынии, Словении, США, Того, Турции, Финляндии, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Швейцарии, Эстонии, Эфиопии, ЮАР и др.¹

К числу преступлений, совершаемых юридическими лицами, относятся преступления в сфере экономической деятельности, в том числе внешнеэкономической деятельности, налогообложения и финансовых рынков, в антимонопольной сфере, коррупционные преступления, преступления в сферах экологии и охраны труда, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков².

Причиной введения уголовной ответственности юридических лиц является рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами, а именно: лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица в случае, если юридическое лицо не обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств.

При этом, как отмечается в имеющихся исследованиях, «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности»³.

Таким образом, введение института уголовной ответственности юридических лиц во многом обусловлено объективными причинами.

Характерно, что уголовная ответственность юридических лиц имеет место только в странах с рыночной экономикой.

В период истории России, именуемый социалистическим, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, так как не соответствовала характеру господствующих экономических отношений. При переходе к рыночной экономике ситуация изменилась.

Уголовно-правовая политика постсоветского – рыночного периода развития экономики и общества направлена на защиту новых экономических отношений и, как показывает зарубежный опыт, уголовная ответственность юридических лиц является весьма эффективным инструментом противодействия преступности в этих условиях.

Как переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемыми деяниями спекуляции (ст. 154 УК РСФСР), спекуляции валютными ценностями или ценными бумагами (ст. 88 УК РСФСР), ведения паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР), и устранение деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (глава 2 Особенной части УК РСФСР) и в отношении личной собственности граждан (глава 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений, так он с неизбежностью повлечет введение уголовной ответственности юридических лиц.

Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, Российская Федерация присоединилась к ряду международных антикоррупционных конвенций, выполнение обязательств по которым включает установление уголовной ответственности юридических лиц.

Последним из предусматривающих такую ответственность многосторонних международных договоров, к которым присоединилась Российская Федерация, стала Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г.⁴ (далее по тексту – Конвенция ОЭСР против коррупции)⁵.

¹ Об этом см., напр.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 168; Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2013. С. 8–11.

² См., напр.: Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33–35.

³ Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИЗИСИП; ИНФРА-М, 2013. С. 153.

⁴ См.: Федеральный закон от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 6. Ст. 622. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. Текст конвенции см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 17. Ст. 1899.

⁵ Об этой конвенции и реализации её положений в российском законодательстве см.: Федоров А.В. Антикоррупционная составляющая присоединения Российской Федерации к Организации экономического сотрудничества и развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.

Одним из её требований является установление ответственности физических и юридических лиц за подкуп иностранных должностных лиц. В настоящее время УК РФ за такой подкуп для физических лиц установлена уголовная ответственность, а для юридических лиц – административная по ст. 19.28. КоАП РФ, предусматривающая ответственность юридического лица за незаконное вознаграждение от его имени.

В то же время возникают вопросы о достаточности в указанной части административной ответственности юридических лиц, её адекватности положениям Конвенции ОЭСР против коррупции.

Тем более, что другой международный договор – Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.)⁶, ранее ратифицированная Российской Федерацией без каких-либо оговорок и вступившая для неё в силу⁷, предусматривает уголовную ответственность юридических лиц, устанавливая, что каждая сторона этого международного договора «принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений».

Необходимость выполнения российской стороной взятых в указанной части обязательств отмечена в рекомендациях Группы государств против коррупции (ГРЕКО).

Следует иметь в виду, что участие в международных договорах и международных организациях является результатом реализации соответствующей национальной политики государства в международной сфере, которая уже не отторгает, как ранее, а принимает такой специфический инструмент уголовно-правовой политики, каковым является уголовная ответственность юридических лиц.

При этом изменения экономических отношений являются объективной причиной необходимости установления уголовной ответственности юридических лиц, а участие в международных договорах, предусматривающих такую ответственность, – одним из поводов для её введения.

2011. № 3(40). С. 72–93; Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99–128.

⁶ Текст конвенции см.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. С. 2394.

⁷ См.: Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ст. 3424. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г.

Имеет место ситуация, когда реализуя свою политику, государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение, в том числе, в изменении национального законодательства.

Включение определяемого нормами международного договора уголовно-правового запрета в национальное право имеет важнейшее значение в системе нормативно-правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации, когда происходит определенная унификация национальных законодательств, в том числе связанная с минимизацией особенностей отдельных национальных правовых систем.

Исходя из положений таких международных договоров, как Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г., можно прогнозировать, что Российской Федерации предстоит внести изменения в законодательство, касающиеся установления уголовной ответственности юридических лиц, для выполнения взятых на себя обязательств по этим конвенциям.

Теоретической основой для соответствующих законодательных решений могут стать разработанные специалистами в области административного права и уже реализованные в законодательстве научные работы, обосновывающие возможность признания юридического лица субъектом административного правонарушения и выработавшие подходы к определению вины юридического лица⁸.

В результате административными правонарушениями в настоящее время признаются не только деяния физических лиц, но и противоправное виновное деяние (действие или бездействие) юридического лица, за которое установлена ответственность.

Это имеет важнейшее значение и для уголовного права, так как, по справедливому замечанию В.П. Кашепова основным сдерживающим фактором введения в уголовное право России уголовной ответственности юридических лиц является существующая в Уголовном кодексе Российской Федерации психологическая концепция понимания вины, которая отрицает возможность признания виновности корпоративных образований в тех или иных деяниях, совершаемых ими⁹.

⁸ Об этом см., напр.: Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц. – М.: Норма, 2013. С. 47–80.

⁹ См.: Кашепов В.П. О разграничении пределов административной и уголовной ответственности // Юридическая

Таким образом, отечественными административистами созданы теоретические основы реализации в Российской Федерации соответствующих положений международных антикоррупционных конвенций с учетом особенностей российской правовой системы. Теперь аналогичную работу необходимо провести специалистам в области уголовного права.

На это нас ориентирует недавно утвержденный Президентом Российской Федерации «Национальный план противодействия коррупции на 2014 – 2015 годы»¹⁰, которым предусмотрено проведение научных междисциплинарных исследований по вопросам создания теоретических основ реализации в Российской Федерации рекомендаций международных антикоррупционных организаций.

При этом предстоит изучить практику привлечения юридических лиц к административной ответственности и оценить её эффективность.

При всех «плюсах» административной ответственности, которым в последнее время посвящен ряд публикаций, у неё есть и очевидные «минусы». Отметим только основные из них.

Во-первых, по делам об административных правонарушениях не проводится такого всестороннего расследования, как по уголовным делам, ибо административный процесс предназначен для обеспечения реализации административной ответственности, которая в Российской Федерации наступает за правонарушения, признаваемые намного менее опасными, чем преступления (т.е. уголовно-наказуемые правонарушения).

Во-вторых, по административным правонарушениям не проводится оперативно-розыскная деятельность, что существенно снижает эффективность работы по делам этой категории.

В-третьих, правонарушения юридических лиц обычно выявляются в ходе расследования уголовных дел в отношении физических лиц, совершивших противоправные деяния от имени или в интересах соответствующего юридического лица, и расследование содеянного намного эффективнее проводить в рамках единого процесса. Пока же сложившаяся практика свидетельствует, что работа по привлечению юридических лиц к ответственности, как правило, начинается (да и то далеко не всегда) лишь после осуждения физических лиц. Кроме того, опыт

показывает, что когда ответственность физических и юридических лиц за взаимосвязанные деяния урегулирована различными отраслями права, имеет место ситуация, которую, исходя из известной русской поговорки, можно охарактеризовать так: «у двух нянек дитя без глаза».

В-четвертых, по делам об административных правонарушениях фактически отсутствует международное сотрудничество. Международные договоры ориентированы на такое сотрудничество по делам о преступлениях.

В-пятых, на введение уголовной ответственности юридических лиц ориентирует достаточное жесткое требование ФАТФ (Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), участницей которой с 2003 г. является Российская Федерация. Рекомендации ФАТФ странам, принятым в члены этой группы, однозначно предусматривают введение уголовной ответственности для юридических лиц за финансирование терроризма.

В связи с этим уместно вспомнить мнение известного российского ученого – Б.В. Волженкина, опубликованное им 15 лет назад: «...есть определенные основания утверждать, что в недалеком будущем вопрос об установлении уголовной ответственности для юридических лиц вновь будет поставлен с достаточной остротой. Вряд ли российский законодатель останется в стороне и не отреагирует на заметную тенденцию расширения ответственности корпораций в зарубежном законодательстве»¹¹.

В то же время, если различным вариантам внесения в уголовное законодательство изменений, устанавливающих ответственность юридических лиц, уже посвящено значительное количество исследований, то процессуальные вопросы расследований дел о преступлениях юридических лиц фактически ещё системно не рассматривались.

На данный момент нет однозначного понимания, каким должен быть процесс по делам этой категории. Необходима разработка изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающих особенности возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в отношении юридических лиц, особенности доказывания по таким делам и соблюдения законных прав юридических лиц.

Таким образом, требуется проведение комплексных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных исследований для обеспечения введения института уголовной ответственности юридических лиц.

ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. – М.: ИЗСП; ИНФРА-М, 2013. С. 109.

¹⁰ См.: Указ Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014 – 2015 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1729.

¹¹ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998. С. 23.

Библиографический список:

1. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб., 1998.
2. Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / Отв. ред. Н.Г. Доронина, – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. С. 153–163.
3. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. В.И. Лафитский. – М.: Статут, 2013.
4. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: Монография / Под ред. С.П. Щербы. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.
5. Кашепов В.П. О разграничении пределов административной и уголовной ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / Отв. ред. Н.Г. Доронина, – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. С. 91–110.
6. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева М. 2012 г.
7. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал российского права. 2011. № 9.
8. Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц: монография. – М.: Норма, 2013.
9. Федоров А.В. Антикоррупционная конвенция ОЭСР как часть правовой системы Российской Федерации: уголовно-правовой и уголовно-политические аспекты // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2013. № 4 (48). С. 99–128.
10. Федоров А.В. Антикоррупционная составляющая присоединения Российской Федерации к Организации экономического сотрудничества и развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2011. № 3(40). С. 72–93.
11. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в Королевстве Испания // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 33–35.
12. Хабриева Т.Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского законодательства и сравнительного правоведения 2012. № 3. С. 5-17;
13. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4.

References (transliteration):

1. Volzhenkin B.V. Uголовnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic. – SPb., 1998.
2. Golovanova N.A. Tendencii razvitiya instituta uголовnoy otvetstvennosti juridicheskikh lic za rubezhom // Juridicheskaja otvetstvennost': sovremennye vyzovy i reshenija: Materialy dlja VIII Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamjati professora S.N. Bratusja / Otv. red. N.G. Doronina, – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF: INFRA-M, 2013. S. 153–163.
3. Golovanova N.A., Lafitskij V.I., Cirina M.A. Uголовnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic v mezhdunarodnom i nacional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) / Otv. red. V.I. Lafitskij. – M.: Statut, 2013.
4. Dodonov V.N. Sravnitel'noe uголовnoe pravo. Obshhaja chast': Monografija / Pod red. S.P. Shherby. – M.: Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2010.
5. Kashepov V.P. O razgranichenii predelov administrativnoj i uголовnoy otvetstvennosti // Juridicheskaja otvetstvennost': sovremennye vyzovy i reshenija: Materialy dlja VIII Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamjati professora S.N. Bratusja / Otv. red. N.G. Doronina, – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve RF: INFRA-M, 2013. S. 91–110.
6. Khabriyeva T.Ya. Nauchno - pravovyye problemy protivodeystviya korruptsii//Zhurnal pzarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya 2012 № 3 S. 5-17
7. Khabriyeva T.Ya. Pravovyye problemy implementatsii antikorrupcionnykh konventsiy//Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2011 № 4.
8. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystviye. Monografiya/otv. red. akademik RAN T.Ya. Khabriyeva M. 2012 g.
9. Naryshkin S.Ye., Khabriyeva T.Ya. Mekhanizm otsenki antikorrupcionnykh standartov GREKO (sravnitel'no-pravovoye issledovaniye) //Zhurnal rossiyskogo prava. 2011 № 9.
10. Panov A.B. Administrativnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic: monografija. – M.: Norma, 2013.
11. Fedorov A.V. Antikorrupcionnaja konvencija OJeSR kak chast' pravovoj sistemy Rossijskoj Federacii: uголовno-pravovoj i uголовno-politicheskie aspekty // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2013. № 4 (48). S. 99–128.
12. Fedorov A.V. Antikorrupcionnaja sostavlajushhaja prisoedinenija Rossijskoj Federacii k Organizacii jekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitija // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2011. № 3(40). S. 72–93.
13. Fedorov A.V. Otvetstvennost' juridicheskikh lic za prestuplenija, svjazannye s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshhestv i ih prekursorov, v Korolevstve Ispanija // Narkokontrol'. 2014. № 1. S. 33–35.